
МУЗЕЙ

Уткина Н.А.

«МУЗЕЙНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ» И СОЗДАНИЕ МУЗЕЕВ Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА В 1860-х—1917 гг.

Уткина, Надежда Алексеевна—кандидат исторических наук, зав. сектором экспозиционно-выставочной работы, Музей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород, cucula86@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению истории создания первых нижегородских музеев на основе теории музейности З. Странского во взаимосвязи с развитием городской социокультурной среды. При этом в качестве базовой выступает категория «музейная потребность» как движущая сила процесса выявления, отбора и сохранения объектов окружающей действительности как культурных ценностей. В Нижнем Новгороде музейная потребность заговорила о себе в 1860-х гг. после появления первых местных исторических и краеведческих текстов. Однако тогда идея «музеума» не прижилась, а собранные предметы не нашли себе достойного помещения в городском пространстве. В 1880-е гг. изменение исторических условий, развитие местных научно-общественных сил в области краеведения, естественных наук, педагогики, техники, художеств отразилось и в музейной сфере, способствовал созданию целого ряда музейных учреждений. Этот процесс опирался на личную инициативу по выявлению и собиранию разноплановых предметных коллекций и осознание функциональных возможностей музея как особой культурной формы. Для комплексного обозначения музеев различной типологии, созданных в Нижнем Новгороде в указанный период, предложено использовать понятие «нижегородский музейон», которое способно к развитию и после 1917 г.

Ключевые слова: музей, теория музейности, музейная потребность, З. Странский, г. Нижний Новгород, нижегородский музейон.

“MUSEUM DEMAND” AND CREATION OF MUSEUMS OF NIZHNY NOVGOROD IN 1860–1917

Utkina, Nadezhda Alekseevna—Candidate of Science in History, the Head of the Department of Exhibitions, the Museum of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russian Federation, Nizhny Novgorod, cucula86@mail.ru.

The article is devoted to the consideration of the history of the creation of the first Nizhny Novgorod museums based on theory of museality of Z. Stransky in connection with the development of the urban sociocultural environment. At the same time, the category «museum demand» acts as the basis for the process of identifying, selecting and preserving objects of the surrounding reality as cultural values. In Nizhny Novgorod, museum demand started talking about herself in the 1860s after the appearance of the first local historical and local history texts. However, then the idea of a «museum» did not take hold, and the collected objects did

not find themselves a worthy premises in the city space. In the 1880s, the change of historical conditions, the development of local scientific and social forces in the field of local history, natural sciences, pedagogy, technology, arts was also reflected in the museum sphere, contributing to the creation of a number of museum institutions. This process relied on a personal initiative to identify and collect diverse subject collections and an awareness of the museum's functionality as a special cultural form. For the complex designation of museums of different typology created during the specified period, it is proposed to use the concept of «Museyon 'Nizhny Novgorod».

Key words: museum, museality theory, museum demand, Nizhny Novgorod, Z. Stransky, Museyon of Nizhny Novgorod.

Понятием «музейная потребность» (она же музеальность, музейность) определяют особое отношение человека к действительности, связанное с выявлением, собиранием и сохранением «истинных ценностей» для приумножения гуманистического и культурного измерения человека. Оно закрепилось и осмысливается в теории музейного дела уже более трех десятилетий благодаря работам чешского (позднее — словацкого) музеолога Збынека Странского и выражает аксиологическое измерение культуры.

Обогащая культурологический и философский дискурс музееведения¹, предложенная Странским теория музейности, тем не менее почти не становится базой для конкретно-исторических музейных исследований, где связывалась бы воедино социокультурная среда как метасистема с музейной подсистемой, внутри которой локальное культурное сообщество, понукаемое особой потребностью, движется к созданию музея как культурной формы и развивает ее. Между тем, обращение к практике создания музеев с позиции теории музейности (в нашем случае — на нижегородском материале) позволяет проследить процесс общественного отбора соответствующих ценностей, лежащий в основе генезиса музея, выявить обусловленность того или иного выбора как общим уровнем развития сообщества, так и периодическими явлениями, происходящими в разных сферах городской общественной жизни, ставших направлениями для музейного строительства. В реалиях нижегородской культуры краеведение и археология, педагогика и внешкольное образование, кустарные промыслы и изобразительное искусство, церковная история и др. при комплексном рассмотрении оказываются равноценны между собой в потенциале музейности и в способности персонифицировать музейную потребность через создателей музея.

История музейного дела г. Нижнего Новгорода до недавнего времени не изучалась системно: во взаимосвязи составляющих ее элементов, оценке их качественных характеристик, в человеческом измерении. Познания в этой сфере долгое время не выходили за пределы сформированных в советские годы путеводителей по «классическим» музеям — Историко-архитектурному и Художественному, занявшим свои ниши еще в конце XIX в., но так и не обретшим цельной прописанной истории. Не исправил ситуации ни интерес к «досоветским» корням учреждений, пришедший с новыми культурными парадигмами в 1990-х — начале 2000-х гг., ни солидная юбилейная дата — 120-летие музеев в 2016 г.

Нужно признать, что такова судьба истории нижегородской культуры в целом: далеко позади ее оставили исследования по истории Нижегородской ярмарки, промышленности,

¹ Сапанжа О.С. Культурологическое измерение музея: морфология музейности // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 3–13.

транспорта, судостроения, городского самоуправления, благотворительности, старообрядчества, купечества, «знаменитых и славных» династий, художественных промыслов.

Индивидуальность музеев к собственной истории, как следствие, влекла за собой «выпадение» из культурно-исторического поля не только локальной истории музейного дела, но и ее личностной составляющей, а также попыток теоретического осмысления моментов зарождения нижегородского Музея как явления, его «генетических» трансформаций, отношения к нему общественных групп и профессиональных сообществ².

Приступая к изучению почти непознанной, а потому заманчивой в исследовательском плане истории музеев г. Нижнего Новгорода, важно было найти ту исходную точку, от которой возможно было бы ее вести. Источники сохранили 1863 год: тогда на заседании Нижегородского губернского статистического комитета впервые прозвучала мысль о создании «губернского музеума».

Как известно, статистика в тот период представляла собой науку комплексную, помимо сухих цифр интересующую также и сведениями об истории той или иной местности, данными о жизни населения: этнографии, археологии, фольклора, промышленного производства и т.п. По мысли устроителей, губернский «музеум», будучи «постоянной выставкой всех произведений природы, предметов из народного быта», должен был явиться, в первую очередь, научным учреждением, где «минералог, этнограф, историк и т.п. находили бы себе в своих отделах предметы и средства для ученых исследований»; во-вторых, учреждением образовательным, где «все любознательные лица, в особенности юношество, нашли бы живую пищу для образования себя». В-третьих, он должен представлять собой «живое учреждение, всегда применимое к практике, где бы потребители и производители взаимно знакомились между собою по выставленным в музеуме предметам, образцам и описаниям»³.

Председатель Статистического комитета (губернатор А.А. Одинцов) обратился с просьбой содействовать организации музея к целому ряду заинтересованных лиц, среди которых были держатели местных промыслов (фабриканты), уездные предводители дворянства, представители купечества, чиновники, духовенство. Первые отклики оказались неутешительны для зарождавшегося учреждения. В отчете за 1864 г. ставший секретарем Статистического комитета известный нижегородский краевед Александр Серафимович Гациский (1838–1893) констатировал: «О предположенном устройстве при комитете музеума, как можно видеть из полученных отзывов тех лиц, к которым г. председатель комитета относился, нельзя вывести ничего утешительного, так как в большинстве этих отзывов выражается, вместе с сочувствием к этому предположению, и сомнение в практической его осуществимости»⁴.

Действительно, те, кого можно было бы назвать «лидерами мнений», высказывались скептически, представляя музей как «гигантский национально-складочный магазин совершенно бесполезных вещей»⁵ и воздерживаясь от финансовой помощи. Небольшие деньги и образцы кустарных производств пожертвовали фабриканты Лукояновского и Горбатовского

² Попытка представить историю и предысторию нижегородских музеев в 1860-х–1917 гг. с точки зрения теории музейности сделана в монографии автора статьи: Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. Нижний Новгород, 2017.

³ Отчет Нижегородского губернского статистического комитета за 1863 г. Нижний Новгород, [б. г.]. С. 7.

⁴ Гациский А. Отчет о действиях нижегородского губернского статистического комитета за 1864 г. Нижний Новгород, 1864. С. 8.

⁵ Журналы заседаний Нижегородского губернского статистического комитета // Нижегородский сборник. 1871. Т. IV. С. 95.

уездов, откликнувшись на возможность связи «производителя с потребителем», уездная и городская интеллигенция поддержала создание музея присылкой интересных находок, осознавая важность сохранения памятников древности. Много сил для пополнения музея затратили и статистики, особенно в ходе поездок по губернии.

К середине 1870-х гг. остро встала проблема с отдельным помещением для музея: около полутора тысяч предметов, представлявших собой как случайные находки (окаменелости, кости, каменные орудия), так и интереснейшие для изучения населения губернии предметы одежды проживавших здесь «инородцев»⁶ (мордвы, чуваш, марийцев, татар), монеты, книги, церковная утварь, образцы кустарных производств, продолжали ютиться в помещении Статистического комитета. Здания, периодически выделяемые под музей (канцелярия губернатора, одна из кремлевских башен), после ремонта чудесным образом «уплывали» из его рук.

В 1877 г. губернское земское собрание отклонило очередное ходатайство на устройство в Нижнем Новгороде местного музея. Статистический комитет, устав сопротивляться, решил мысль о музее «оставить», а А.С. Гациский признал, что «над нижегородским музеем тяготеет какой-то злой неукротимый рок»⁷. Большинство собранных вещей оказались распылены, переданы другим учреждениям (в том числе в Москву), другая часть оставалась ждать своего часа, чтобы почти через двадцать лет стать музеем Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее — НГУАК).

История «не-создания» первого нижегородского музея породила ряд вопросов: «почему именно в это время у нижегородцев возникает мысль о музее и чем она была обусловлена»; «почему в итоге не удалось создать музей»; «насколько важна в деле создания музея роль инициатора, созидающей личности».

При поиске ответов плодотворным оказалось использование именно культурологического инструментария, позволяющего, в трактовке М.С. Кагана и О.С. Сапанжа, рассматривать сущность и природу музея как составной части системы культуры: «при анализе места музея в этой системе в определенный культурно-исторический период важно помнить, что музей является не изолированным институтом, он находится в более общей метасистеме, которой является социокультурная среда. Соответственно, логично предложить существование диалектических взаимосвязей и взаимодействия подсистемы и метасистемы, при которых развитие и современное состояние музея не может быть изучено вне культурологического контекста»⁸.

Таким образом, являясь порождением социокультурной среды, музей именно внутри нее способен отыскать свои базовые основания, состоящие в соединении человека — носителя музейной потребности и корпуса материальных свидетельств, «образцов»⁹ окружающей действительности.

Обращение к изучению нижегородской социокультурной среды заявленного периода подтвердило общеизвестное: музеи исторического (шире — краеведческого) профиля

⁶ Термин XIX в.

⁷ Гациский А. Из Нижнего Новгорода // Неделя. 1876. № 27. С. 895.

⁸ Сапанжа О.С. Культурологическое измерение музея... С. 5–6.

⁹ В музейной науке отсутствует общепринятый термин для данного рода предметов, которые изъяты из утилитарной среды, но еще не стали «музейными предметами». Наиболее употребительны «памятник», «документ», «артефакт», «ценность», у З. Странского — «музеалия». В данном случае «образец» — носитель характерных черт, качеств; элемент, ценность которого осознана через музейную потребность. Термин предложен нижегородским дизайнером И.А. Смолиным и оказался уместен в совместной с автором статьи практике музейного проектирования.

немыслимы без изучения истории местности, обозначения важнейших дат и событий, главных действующих лиц, ее общекультурного и символического потенциала. К сожалению, Нижний Новгород, не раз подвергавшийся нападениям извне, которые не оставили нам иных древностей эпохи основания города (XIII–XIV вв.), кроме археологических, не мог похвастаться и «поборниками изучения прошлого своего города в XVIII в.»¹⁰. Поэтому появление здесь основополагающих исторических сочинений, доступных большинству, относится только лишь к 1840-м гг. Именно к этому времени, если можно так сказать, накопилась «критическая масса» знаний и обстоятельств, приведших к появлению текстовой исторической среды, что оказалось связано с деятельностью конкретных личностей.

Первым по времени в плеяде признанных историков нижегородского края был Павел Иванович Мельников (литературный псевдоним — Андрей Печерский) (1818–1883) — учитель истории в Нижегородской гимназии, редактор неофициальной части первой местной газеты «Нижегородские губернские ведомости», этнограф и археограф, исследователь книжной и материальной культуры старообрядчества. Будучи официально членом Археографической комиссии и Комиссии по разбору древних актов, он занимался выявлением и описанием церковных древностей, рукописных и старопечатных книг, по документам изучал биографию Кузмы Минина, князя Пожарского и т.п. Из-под его пера начали выходить, по сути, первые связные тексты, посвященные сюжетам нижегородской истории. В местных «Губернских ведомостях» и в столичных журналах им публиковались разнообразнейшие исторические источники, очерки об истории Нижнего Новгорода и губернии, о Нижегородско-Суздальском княжестве, о губернских городах (Городце, Лыскове, Сарове, Ардатове, Арзамасе), легенды нижегородской земли. Достопримечательные места и связанные с ними предания нашли воплощение в цикле путевых очерков «Дорожные записки», издаваемых в 1839–1842 гг., а также в «Указателе достопримечательностей на пути государыни императрицы Марии Александровны» (1858). Многие документальные находки обсуждались им с жившим тогда в Нижнем Новгороде В.И. Далем, оказавшим существенное влияние на становление П.И. Мельникова как литератора, автора рассказов и знаменитых романов с ярко переданным нижегородским колоритом «В лесах» (1871) и «На горах» (1875).

Историю церкви Нижнего Новгорода и губернии, наряду с описанием хранившихся в них достопримечательностей, составил один из сподвижников П.И. Мельникова на ниве краеведения — архиепископ нижегородский Макарий (в миру — Николай Кириллович Миротлюбоб) (1817–1894). В целом ряде подготовленных им публикаций, прежде всего, в ставшем хрестоматийным труде «Памятники церковных древностей» (1857) он, с тщательностью и скрупулезностью, достойной музейного работника, описал хранившиеся в церквях и монастырях наиболее ценные в культурно-историческом плане вещи.

В одном с ними информационном поле, обеспечившем формирование текстовой среды для возникновения нижегородских музеев, находился также Николай Иванович Храмцовский (1818–1890) — автор основополагающего труда в двух частях — «История Нижнего Новгорода» (1857) и «Описание Нижнего Новгорода» (1859), к которому исследователи обращаются и до сих пор.

¹⁰ Для изучения основной канвы событий собственной истории нижегородцы использовали текст «Нижегородского летописца», созданного в XVII в.: Кузнецов А.А. Дневник Эрика Густава Эрстрема: Путешествие из Нижнего Новгорода 1812 года в Нижний Новгород 2012 года // Эрстрем Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецов. Нижний Новгород, 2013. С. 27.

Важной частью этих текстов, помимо основной исторической фактографии и поучительного описания города, являются сведения о предметах и коллекциях, отложившихся в церковных зданиях, учебных заведениях и имеющих отношение не только к церковной истории или учебному процессу, а более того — отражающих принадлежность к известным деятелям (нижегородским князьям, иерархам церкви, И.П. Кулибину, К. Минину и Д. Пожарскому и др.) или историческим событиям, а также представляющих культурную ценность сами по себе (рукописные и старопечатные книги, утварь, знамена нижегородского Ополчения 1612 г. и др.). Таких, которые современная наука называет «протомузейными». Ранее эти сведения не были в должной мере осознаны исследователями, самостоятельную значимость внутри исторических текстов они обрели лишь в музееведческом исследовании как свидетельство первого этапа собирания музейных коллекций.

Фигурой, ставшей своеобразным «мостом» между исследователями, их текстами и практикой музейного дела, явился уже упомянутый А.С. Гациский, взявший на себя заботы по созданию музея. Именно теперь, только после выполнения трудоемкой, во многом черновой и первичной работы по написанию нижегородской истории, музейная потребность явила себя в форме практических шагов по воплощению знания о собственной истории в собирание ее материальных свидетельств. Разумеется, музеология понимает под «музейной потребностью» не столько практический, сколько некий неосозаемый, сущностный признак человеческого отношения к действительности. Однако как иначе уловить это фундаментальное отношение, доказать, что оно есть, измерить его, как не по результату. В эмпирическом плане это позволило структурировать большой нижегородский материал об истории создания разных музеев, выделить группы людей по профессиональным или социальным признакам, которые, обладая неким знанием или осознавая проблему, выказывали музейную потребность и инициировали создание музеев.

Здесь возможны обвинения в «потребительском» (позволим себе тавтологию) отношении к музейной потребности, при котором она искусственно приписывается отдельной группе лиц, которые проявили свое участие в деле создания музеев, превращаясь по сути в «потребность в создании музея». Однако в условиях социокультурной среды провинциального города заявленный подход (который хочется обозначить в духе теоретиков коммунизма — «каждому по потребностям») дал возможность не только выстроить последовательность событий в истории создания музеев и очертить круг участвовавших в этом людей, но и начать разговор о понимании Музея в нижегородском обществе, представлении о его функциях и назначении в менявшихся исторических условиях второй половины XIX — начала XX вв.

В последнее время человеческое измерение особого отношения к окружающей действительности на нижегородском материале исследуется также на примере «университетской потребности»¹¹. Сопрягая одновременно возникающие у нижегородцев мысли о собственном Музее и о собственном Университете, А.А. Кузнецов справедливо замечает, что требуемый для этого уровень развития («созревания») социокультурной среды был достигнут нижегородцами к 1880-м гг. и даже более того: «идея об основании своего университета в Нижнем Новгороде появилась в этой среде (*культурной* — Н.У.) после того, как она (среда) обогатилась в ходе удовлетворения музейной потребности»¹². Хотя,

¹¹ Термин А.А. Кузнецова: *Кузнецов А.А.* «Университетская потребность» и история Нижегородского университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 29–36.

¹² Там же. С. 30.

заметим, в отличие от музейной, университетская потребность, будучи высказанной, не находила своего удовлетворения до 1916 г., а, по большому счету, и до 1918 г.¹³

Поддержку и воплощение в нижегородских условиях нашла именно идея создания музея «полезного», применимого к практическим нуждам губернского земства. Речь идет об организации в декабре 1885 г. земского Естественно-исторического музея, основанного при непосредственном участии профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Докучаева на материалах проведенного им в 1882–1888 гг. исследования земель Нижегородской губернии. Накопленное знание о почвенных и геологических условиях уездов, по мысли Докучаева, не должно было пропасть или осесть в столичных научных учреждениях, а логично встать на службу местной науке и практике, в том числе повседневной, крестьянской, обогащая ее сведениями о плодородности почв, связи почвы с климатом, растительным покровом, метеорологическими условиями и пр. Создание этого музея (музея подобного типа) стало прецедентом в истории музейного дела России, а его Устав — типовым для многих других музеев в стране, основанных на схожих принципах.

Идея создания исторического музея нашла воплощение уже в структуре НГУАК (1884), объединившей в своих рядах гуманитарную элиту города: архивистов, краеведов, литераторов, библиофилов, просвещенное духовенство, педагогов и др. Их музейная потребность на тот момент была уже зрелой, осознанной, прошедшей неудачу с музеем статистического комитета, что позволило добиться выделения под музей одного из лучших исторических зданий XVII в. — т.н. «Домика Петра Первого», в котором он, по легенде, останавливался два раза, будучи в Нижнем Новгороде (в 1695 и 1722 гг.). Нижегородцы в этой истории создали еще один прецедент — члены НГУАК впервые обратились в Археологический институт с вопросом, имеют ли ГУАК право приобретать на свое имя недвижимость для достижения целей организации, на что получили положительный ответ. Историко-археологический музей открылся в 1895 г. и несколько лет назывался «Петровский», отдавая дань памяти Императору и его роли в истории города.

Традиция изучения церковной старины воплотилась в 1886 г. в организации церковного древлехранилища при Нижегородской духовной семинарии. Потребность выявления и сохранения ценных в культурном отношении вещей в церквях и монастырях Нижегородской губернии была созвучна и новшествам в духовном образовании — выделению церковной археологии в качестве самостоятельной дисциплины. Организатором древлехранилища выступил епископ Нижегородский и Арзамасский Модест.

Особую, весьма характерную для Нижегородской губернии область реализации музейной потребности представляла сфера кустарных и художественных промыслов. В 1880–1890-е гг. она переживала определенный упадок в связи с появлением фабричного производства и устаревшим однообразным ассортиментом продукции кустарей. Но, т.к. промыслы всегда составляли львиную долю занятий крестьянского населения, особенно в уездах с непригодной для земледелия почвой, приходилось искать способы поддержки кустарей и организации сбыта продукции. Инициативу здесь проявляло губернское земство, а также возникшее в 1879 г. Нижегородское отделение Императорского Русского технического общества (далее — НОИРТО), открывшее в 1885 г. Выставку кустарных изделий и рукоделий, вскоре ставшую постоянной. Ее особенностью стало то,

¹³ В январе 1916 г. в Нижнем Новгороде открылся Городской Народный университет (по типу Народного университета им. А.Л. Шанявского в Москве), однако государственный статус нижегородский Университет получил лишь в 1918 г., став первым советским вузом.

что техники-члены НОИРТО давали кустарям рекомендации о техническом усовершенствовании изделий и расширении ассортимента.

В дальнейшем музейная сеть Нижнего Новгорода разрасталась в соответствии с условиями развития таких сфер, как педагогика, внешкольное образование взрослых, просветительная работа в годы Первой мировой войны, борьба с пьянством и другими социальными пороками.

Большое значение для развития музейных учреждений имела состоявшаяся в Нижнем Новгороде XVI Всероссийская художественная и промышленная выставка 1896 г. При подготовке к ней свою музейную потребность заявили художники во главе с нижегородцем, академиком А.А. Карелиным, который, используя свой авторитет, привлек к делу организации художественного музея не только местные силы, но и Академию художеств и Общество художников исторической живописи, пожертвовавших в музей произведения живописи и скульптуры. Именно под художественный музей была отреставрирована Дмитровская башня Нижегородского кремля, на много лет ставшая визитной карточкой города. Сюда же были перенесены исторические коллекции из Домика Петра и музей на долгие годы (до 1934 г.) стал объединенным, историко-художественным. А тогда выполнил репрезентативную функцию — обеспечил культурный досуг гостей Всероссийской выставки, составив впечатление о том, что в нашем городе «есть, что посмотреть».

По итогам работы Выставки, на которой (в Учебном отделе) Нижегородская губерния показала высокий, почти инновационный уровень постановки системы образования в уездах, в том числе и наглядного обучения (вспомним протомузейные собрания в учебных заведениях, которые упоминались еще в первых описательных текстах), Дирекцией народных училищ и педагогами было решено создать при Дирекции Педагогический музей (1897), который представлял бы собою собрание коллекций, приборов и пособий для наглядного обучения, естественнонаучных опытов и чтения лекций, а также книг и журналов для учащихся и «учащих». Также в его структуре предполагалась передвижная часть (подобный подход «движения музея к зрителю» вызвал ажиотаж на Выставке), обслуживавшая школы и училища уездов в порядке очереди.

Изделия, демонстрируемые в Кустарном отделе Выставки и тоже вызвавшие восхищение гостей своей самобытностью и разнообразием, легли в основу созданного губернским земством Кустарного склада-музея (1896), занимавшегося не только хранением образцов, но и поставками сырья для кустарей, организацией продажи изделий.

Бурное развитие системы внешкольного образования и просвещения в начале XX в., особенно после революционных событий 1905 г., необходимость поднятия уровня образования, оздоровления и улучшения качества жизни населения, стимулировало создание Музея наглядных пособий (1912 г., инициатор — Отдел народного образования губернского земства), Музея по борьбе с пьянством на территории Нижегородской ярмарки (1910 г., инициатор — особый Нижегородский Ярмарочный комитет попечительства о народной трезвости), ряда уездных домов-музеев.

К 75-летию юбилею Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса в 1909 г. открылся Музей корпуса, инициированный руководством и выпускниками. В тесной связи с ним стоит идея создания Музея Великой Европейской войны (1916) на основе трофеев, поступавших с фронтов Первой мировой войны от выпускников кадетского корпуса и других нижегородских воинов.

Предлагаемый подход к изучению процесса создания музейных учреждений через осознание необходимости сохранения предметов и коллекций (а также нематериальных

объектов — технологий и традиций использования, педагогических методов и др.) группами инициаторов, решавших ту или иную задачу, позволил также проследить трансформацию понимания Музея и отношения к нему в обществе, изменение возлагаемых на него задач. Так, начав движение от музея «*полезного*» (ориентированного на нужды естественника, крестьянина, земского деятеля, преподавателя семинарии, кустаря), нижегородцы пришли к *репрезентативности* музея (культурный досуг в особом образом оформленном пространстве, где можно увидеть исторические раритеты из «славного прошлого» и произведения искусства; демонстрация новейших педагогических методов, достижений в кустарных и художественных промыслах), чему способствовала Выставка 1896 г., а затем — к его значимости в *просветительных* целях (пусть иногда в ущерб собранию подлинников, с преобладанием вспомогательных материалов).

Многообразие действующих в пространстве Нижнего Новгорода музеев, а также ряд интересных, но не реализованных проектов способствовали формированию обобщенного образа «нижегородского музейона»¹⁴ как сонма, «хоровода» муз в пространстве одного города. В античной традиции музейон — это и святилище (храм муз), и место празднеств, творческих соревнований, сохранения исторической памяти, передачи опыта через обучение¹⁵. Все эти признаки присущи нижегородским музеям: гармоничное собрание вещей, празднества, обучение (как детей, так и взрослых), агонистическое начало (в выставочной, художественно-промышленной сфере), а «служенье муз» явлено посредством художественной, научной, исследовательской и собирательской деятельности.

Верхней хронологической границей исследования традиционно признан 1917 год, ставший исходной точкой советского периода в истории отечественной культуры и музейного дела. Наряду с общим изменением методологических установок, расширением типов музейных учреждений менялись после Октября 1917 г. и характеристики нижегородской музейной потребности: окрашиваясь в цвета времени, она начала распространяться на предметы из частных коллекций дворян и помещиков, мемории революционной истории, местного «литературного гнезда» (в связи с юбилеем в 1928 г. нижегородского уроженца Максима Горького), образцы «нового» искусства, формирующегося советского быта, «производительных сил», социалистической промышленности и др. Процесс формирования музеев под стать новым потребностям явится предметом последующих исследований автора.

Список литературы

Кузнецов А.А. Дневник Эрика Густава Эрстрема: Путешествие из Нижнего Новгорода 1812 года в Нижний Новгород 2012 года // Эрстрем Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С. 19–27.

Кузнецов А.А. «Университетская потребность» и история Нижегородского университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 29–36.

Поршнев В.П. Музей в культурном наследии античности. М.: Новый Акрополь, 2012. 336 с.

Сапанжа О.С. Культурологическое измерение музея: морфология музейности // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 3–13.

¹⁴ Термин автора: Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. С. 10–11.

¹⁵ Поршнев В.П. Музей в культурном наследии античности. М., 2012. С. 13–14.

Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х—1917 гг. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 404 с.

References

Kuznetsov, A.A. Dnevnik Erika Gustava Erstrema: Puteshestviye iz Nizhnego Novgoroda 1812 goda v Nizhniy Novgorod 2012 goda [Diary of Erik Gustav Erstrom: A Journey from Nizhny Novgorod 1812 to Nizhny Novgorod 2012], in *Erstrem E.G. 1812 god. Puteshestviye iz Moskvy v Nizhnij Novgorod*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Publ., 2013. P. 19–27. (in Rus.).

Kuznetsov, A.A. «Universitetskaya potrebnost» i istoriya Nizhegorodskogo universiteta [A “University demand” and the history of Nizhny Novgorod University], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2018. Vol. 2. P. 29–36. (in Rus.).

Porshnev, V.P. *Musey v kulturnom nasledii antichnosti* [Museion in the cultural heritage of antiquity]. Moscow: Novyy Akropol Publ., 2012. 336 p. (in Rus.).

Sapanzha, O.S. Kulturologicheskoye izmereniye muzeya: morfologiya muzeynosti [The cultural dimension of the museum: the morphology of the museality], in *Voprosy muzeologii*. 2011. Vol. 2 (4). P. 3–13. (in Rus.).

Utkina, N.A. *Nizhegorodskij musejon: osnovanie. Istoriya vozniknoveniya i deyatel'nosti muzeev g. Nizhnego Novgoroda v 1860-h—1917 gg.* [Museion of Nizhny Novgorod: foundation. History of the emergence and activities of museums in Nizhny Novgorod in the 1860–1917]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Publ., 2017. 404 p. (in Rus.).